

[Рец. на: /Review of:] **A. Bárány, O. Bond, I. Nikolaeva (eds.). *Prominent internal possessors***. Oxford: Oxford University Press, 2019. 304 p. ISBN 9780198812142.

Екатерина Анатольевна Лютикова

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
lyutikova2008@gmail.com

Ekaterina A. Lyutikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
lyutikova2008@gmail.com

Благодарности: Работа велась в рамках проекта РНФ № 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина.

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 18-18-00462 at the Pushkin State Russian Language Institute.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.6.154-160

Сборник статей под редакцией Андраша Бараны (András Bárány), Оливера Бонда (Oliver Bond) и Ирины Николаевой (Irina Nikolaeva) одновременно подводит итоги научного проекта «Выделенный посессор» (“Prominent possessor”) и представляет феномен выделенного внутреннего посессора (prominent internal possessor, далее PIP) в нескольких разнотипных языках, подробно исследованных участниками проекта и совещания по выделенным внутренним посессорам, прошедшего в университете SOAS (Лондон). Благодаря этому рецензируемый сборник отличается значительно большей степенью интеграции глав, чем это обычно бывает в сборниках по итогам конференций, использует единую терминологическую систему и представляет данные конкретных языков как реализацию общетипологического профиля языков с PIP. Все это позволяет рассматривать издание как коллективную монографию.

Задача, которую ставят перед собой авторы монографии, — целенаправленное исследование феномена PIP в типологическом и конкретно-языковом аспекте. Синтаксическая «активность» посессора одного из аргументов на уровне клаузы неоднократно отмечалась исследователями самых разных языков. Во многих случаях языки используют грамматические преобразования, позволяющие посессору повысить свой синтаксический статус и занять место в предикатно-аргументной структуре клаузы. К таким преобразованиям относятся, например, аппликативизация предиката, создающая новую аргументную позицию (расщепление валентности в [Апресян 1974], подъем посессора в [Payne, Barshi (eds.) 1999], экстрапозиция посессора в [Кибрик 2000], аппликативная деривация в [Pylkkänen 2002]; ср. русские примеры (1a–b)), или инкорпорация обладаемого в предикат, позволяющая предикату управлять посессором и согласовываться с ним (зависание посессора при инкорпорации в [Baker 1988], ср. примеры (2a–b) из языка мохок).

(1) а. Я случайно наступил на ногу Пети / на Петину ногу.

б. Я случайно наступил Пете на ногу.

(2) а. Ka-rakv ne sawatis hrao-nuhs-aʔ.

3N-белый DET Джон 3М-дом-SUF

‘Дом Джона белый’. [Baker 1988: 97]

б. Hrao-nuhs-rakv ne sawatis.

3М-дом-белый DET Джон

‘Дом Джона белый’. [Baker 1988: 96]

Приверженцы функционально-типологического подхода объясняют процессы такого рода несоответствием высокой коммуникативной выделенности посессора его

неприоритетной синтаксической позиции. В формальной литературе повышение коммуникативного ранга посессора скорее является следствием соответствующего грамматического преобразования, которое, в свою очередь, может быть обусловлено факторами, не связанными напрямую с коммуникативным статусом посессора. В любом случае, тем не менее, речь идет о видимом изменении конструкции предложения и синтаксического статуса посессора. В рецензируемой монографии исследуются значительно менее изученные случаи, когда посессор остается внутри именной группы обладаемого и если и меняет свой грамматический статус, то только в ее пределах.

Итак, предметом исследования в Bányu et al. (eds.) 2019 становятся конструкции с выделенным внутренним посессором, то есть такие конструкции, в которых посессор является составляющей в составе другой, аргументной именной группы, и при этом проявляет свойства аргумента уровня клаузы. Критерии выполнения обоих требований эксплицитно формулируются в главе 1 следующим образом. Посессор получает статус внутреннего на основании (1) морфосинтаксического кодирования, характерного для посессоров; (2) ограничений на порядок слов (например, на разрывность или перестановку обладаемого и посессора); (3) ограничений на передвижение (неспособность посессора подвергаться топикализации, фокализации и т. п. отдельно от именной группы обладаемого). Из феноменов, свидетельствующих об активности внутреннего посессора на уровне клаузы, в монографии рассматриваются два: согласование предиката с посессором и участие посессора в системах переключения референции.

Предикативное согласование с РІР демонстрируется в примере (3b) из языка майтхили (восточная группа индоарийских языков). В отличие от (3a), где глагол имеет показатель стандартного согласования с номинативным подлежащим 3-го лица, в (3b) в глаголе при помощи показателя неноминативной серии индексируется посессор подлежащего. При этом никаких свидетельств расположения посессора вне именной группы обладаемого в (3b) не наблюдается.

- (3) a. [tohər nokər] əe-l-əi.
ты.І.І.ГЕН слуга.НОМ приходит-РСТ-3
‘Твой (низкая степень уважения) слуга пришел’.
- b. [tohər nokər] əe-l-əu.
ты.І.І.ГЕН слуга.НОМ приходит-РСТ-2І.НОН_НОМ
‘Твой (низкая степень уважения) слуга пришел’. (Рецензируемое издание, с. 51.)

В (4) показан пример участия тувинского внутреннего посессора в системе переключения референции. Тувинский конверб на -š оформляет равносубъектные зависимые и квазисочиненные клаузы, так что его (нулевое) подлежащее должно быть коиндексировано с подлежащим главной клаузы. В примере (4), однако, с подлежащим главной клаузы совпадает не подлежащее зависимой клаузы, а посессор этого подлежащего; при этом использование равносубъектного конверба на -š грамматично. Таким образом, посессор подлежащего может выступать в роли пивота в равносубъектных конструкциях.

- (4) [[ool-duŋ xöŋn-ü] baksıraa-š] čan-ip kel-di.
мальчик-ГЕН дух-3SG испортиться-SS возвращаться-СВВ приходит-РСТ.3SG
‘Мальчик заболел (= мальчика дух испортился) и вернулся домой’. [Bergelson, Kibrik 1995: 383]

Рецензируемое издание включает восемь глав. В первой главе редакторы сборника представляют результаты типологического исследования РІР; дальнейшие главы предлагают читателю case studies — описания выделенных внутренних посессоров конкретных языков: майтхили (индоарийские; глава 2 — Й. П. Ядава, О. Бонд, И. Николаева, С. Ритчи), гуринджи (пама-ньюнга; глава 3 — О. Бонд, Ф. Микинс, Р. Нордлингер), мосетен (изолят, Боливия; глава 4 — С. Ритчи), онейда (ирокезские; глава 5 — Ж.-П. Кёниг, К. Майкельсон),

турецкого (тюркские; глава 6 — А. Гёксель, Б. Озтюрк), башкирского (тюркские; глава 7 — С. С. Сай) и тундрового ненецкого (самодийские; глава 8 — И. Николаева, А. Барань). Обнаруживается, что РІР (по крайней мере в тех языках, которые вошли в выборку) не представляет собой единого феномена. Во-первых, множество языков, в которых выделенный характер посессора проявляется в глагольном согласовании, и множество языков, в которых посессор участвует в системе переключения референции, практически не пересекаются (в пересечение двух множеств попадают алеутский, бурушаски и кашибо). Из языков, подробно рассмотренных в главах сборника, майтхили, гуринджи, мосетен и онейда демонстрируют индексирование посессора в сказуемом, а турецкий, башкирский и тундровый ненецкий учитывают посессор в системе переключения референции и обвизации. Во-вторых, не удастся выявить генетической или ареальной связи между языками с РІР. В-третьих, наличие РІР не коррелирует ни с каким другим типологически релевантным параметром или макропараметром (например, порядком слов, стратегией морфосинтаксического кодирования аргументов, полисинтетизмом и т. д.).

Авторы выделяют ряд параметров, в терминах которых могут быть определены свойства конструкций с РІР в языках мира. В отношении своих структурных характеристик и способов морфосинтаксического кодирования РІР не проявляют достаточно регулярных свойств; скорее, в каждом языке РІР используют один из доступных способов оформления внутреннего посессора. Тем не менее, имеется тенденция, в соответствии с которой РІР занимает наиболее структурно приоритетную позицию, доступную для посессора: «подлежащего» именной группы, возможно, контролирующего посессивное согласование обладаемого.

В отношении ограничений на синтаксическую роль (grammatical relation) два типа рассматриваемых феноменов — предикативное согласование и участие в системе переключения референции — проявляют разные свойства. Засвидетельствованные ограничения на синтаксическую роль обладаемого в конструкциях с РІР выделяют как наиболее доступный аргумент прямое дополнение или непереходное подлежащее. Авторы указывают на возможную причину таких ограничений: в исторической перспективе конструкции с выделенным внутренним посессором могут быть связаны с конструкциями с внешним посессором, а последние как раз проявляют тенденцию ограничивать референцию посессора внутреннего аргумента. Таким образом, контроль предикативного согласования со стороны внутреннего посессора имеет следующий прототип: объектное согласование с посессором внутреннего аргумента, возможно, претерпевающего передвижение в позицию подлежащего (при пассивных и неаккузативных предикатах). С другой стороны, для систем переключения референции в качестве пивота обычно выступает поверхностный синтаксический статус подлежащего; соответственно, именно посессор подлежащего включается в пул аргументов, свойства которых учитываются при вычислении равно- и разно-субъектности.

«Выделенность» посессора представляется авторам многофакторным феноменом, в котором аккумулированы выделенные значения признаков, характеризующих явления самой разной природы. Во-первых, выделенность посессора может иметь ингерентный характер и быть связана с иерархией лица/одушевленности. Посессоры, участвующие в конструкциях РІР, одушевленные; в ряде языков, например, в табасаранском и тангутском, только посессоры 1–2-го лица образуют конструкции с РІР. При этом имеются и языки, демонстрирующие, на первый взгляд, противоположную тенденцию: например, в алеутском языке в конструкциях с РІР участвуют только посессоры 3-го лица, а в тундровом ненецком — только неместоименные посессоры. Авторы видят в этом действие противоположных мотиваций для маркирования: индексировать важных участников (левый конец иерархии лица-одушевленности) и индексировать участников, выполняющих несвойственную им важную роль (правый конец иерархии лица-одушевленности). По-видимому, в некоторых случаях могут быть предложены альтернативные объяснения: так, индексирование только 1–2-го лица может быть следствием того, что 3-е лицо имеет нулевой

экспонент, а индексирование только неличного посессора может быть связано с невозможностью лицензирования объектного индекса с маркированным признаком лица при наличии интервента-подлежащего (ср. с невозможностью согласования по лицу с номинативным дополнением в исландском языке [Sigurðsson 1996; Anagnostopoulou 2003; Sigurðsson, Holmberg 2008]).

- (5) a. Henni leiddust þeir.
 она.DAT скучать.3PL они.NOM.PL
 ‘Они ей скучны’.
- b. *Henni leiddumst við.
 она.DAT скучать.1PL мы.NOM.PL
 ‘Мы ей скучны’. [Sigurðsson 1996: 35]

Во-вторых, выделенность посессора может быть следствием семантики посессивного отношения и семантики предиката. Для РІР характерны в первую очередь отношение неотчуждаемой принадлежности (части тела, а также метонимические наименования личности — ‘дух’, ‘душа’, ‘образ’) и предикаты, предполагающие высокую степень воздействия на внутренний аргумент (предикаты изменения состояния и его каузации). Оба указанных фактора способствуют высокой степени вовлеченности (affectedness) посессора в событие, выражаемое предикатом, делают его партиципантом.

В-третьих, выделенность посессора может быть основана на его коммуникативных характеристиках. Авторы указывают, что во многих языках РІР важен с точки зрения информационной структуры высказывания: является топиком (или вторичным топиком), находится в контрастивном фокусе или имеет статус проксиматива в системах с обвацией. Разнообразие коммуникативных статусов, связанных с РІР, наводит на мысль, что едва ли включение внутреннего посессора в число аргументов клаузы является следствием определенного коммуникативно мотивированного синтаксического преобразования (например, топикализации или фокусного передвижения); скорее следует предположить, что выделенный коммуникативный статус оказывается доступен для посессора благодаря его участию в процессах клаузального урвня.

Менее проработаны синтаксические механизмы, позволяющие внутреннему посессору взаимодействовать с функциональной структурой клаузы. В литературе предлагается два типа подходов: во-первых, наличие в клаузе аргументной пустой категории, связанной с внутренним посессором одним из синтаксических отношений, и во-вторых, прозрачность границы именной группы обладаемого для взаимодействия посессора с клаузальными зонами. Первый подход подробно исследован в работах Э. Дил (см., например, [Deal 2017]); показано, в частности, что внешний посессор может быть связан с внутренним посессором различными идентифицирующими отношениями: синтаксическим связыванием, обратным контролем, подъемом с озвучиванием нижней копии. В рамках второго подхода предлагались идеи, основанные на включении в область управления (governing category) предиката области управления инкорпорируемого элемента (The Government Transparency Corrolary [Baker 1988: 64]). Частным случаем второго подхода можно считать также гипотезу о синтаксической интерпретации выделенного посессора как адьюнкта к максимальной проекции аргументной именной группы, что в теоретической системе, основанной на гипотезе антисимметричности Р. Кейна [Kaune 1994], позволяет посессору получить структурный приоритет над традиционной областью с-командования всей аргументной именной группы. К сожалению, синтаксический анализ конфигураций с РІР в рецензируемом сборнике практически не представлен — исключением являются главы, посвященные языкам мосетен и турецкому: в обоих случаях в клаузе постулируется пустая категория — нулевая единица (“проху”), контролирующая согласование (мосетен) или коиндексированное с посессором PRO (турецкий). Идеи, основанные на структурном приоритете посессора-адьюнкта, используются в анализе тундрового ненецкого РІР (глава 8),

однако никакие синтаксические диагностики, которые доказывали бы структурный приоритет РІР (например, связывание рефлексива, контроль PRO в актантных клаузах, широкая сфера действия кванторного посессора и т. п.), не применяются.

Собственно, именно отсутствие или недостаточная проработка синтаксического анализа конструкций с РІР являются основным объектом нашей критики. Во-первых, непонятно, почему в качестве аргументов в пользу синтаксической активности посессора на уровне клаузы (*prominence*) выбраны только два феномена — согласование и переключение референции. С одной стороны, каждый из них недостаточно надежно свидетельствует о включении посессора или его «представителя» в число аргументов клаузы — согласование вполне может быть не локальным, а дистантным (и согласование по разным признакам — локальным в разной степени), а системы переключения референции часто расширяют отношение совпадения до отношения «часть — целое», естественным образом выражаемого многими посессивными конструкциями. С другой стороны, эти феномены не могут и образовывать естественный класс, хотя бы потому, что системы индексирования посессора ориентированы на внутренний аргумент, а системы переключения референции — на субъект. Во-вторых, выбор в пользу коммуникативной, а не синтаксической, приоритетности посессора, представленный в ряде глав, недостаточно аргументирован: слабо используются диагностики, позволяющие отделить синтаксические феномены от информационно-структурных (например, несовместимость некоторых типов именных групп с определенными коммуникативными статусами). При этом очевидно, что коммуникативные категории могут иметь синтаксическую репрезентацию и вследствие этого ограничивать, или наоборот, лицензировать синтаксические процессы (см., например, [Лютикова 2019]). В-третьих, не хватает и информации о синтаксической структуре посессивных именных групп — например, их островных свойствах, совместимости посессора с артиклями и демонстративами, наличии исчерпывающей интерпретации (ср. *John's books* '(все) книги Джона', см. [Partee 2006]). Эти факторы в совокупности обуславливают возникающее у рецензента ощущение, что результаты предпринятого авторами типологического исследования столь интересного явления оказались менее содержательными и глубокими, чем могли бы быть.

Тем не менее, рецензируемая книга вполне справляется со своей задачей — предложить читателю итоги первого типологически ориентированного исследования синтаксического приоритета внутреннего посессора. Издание содержит много интересных лингвистических данных и удачных аналитических решений. Среди них стоит упомянуть, например, реинтерпретацию морфологии согласования в майтхили (глава 2), анализ структуры аппозитивных конструкций с неотчуждаемой принадлежностью в гуринджи (глава 3), подробное описание систем переключения референции в турецком и башкирском языках (главы 6 и 7), анализ ограничений на референцию именных групп 3-го лица в тундровом ненецком как системы обвизации (глава 8).

Сопоставление подвергшихся углубленному изучению конструкций с РІР позволяет сделать важные выводы, которые должны быть учтены в дальнейших исследованиях этой проблематики. Во-первых, далеко не все языки, способные учитывать посессор в системах индексации и переключения референции, обладают особой «конструкцией с выделенным внешним посессором». Этот тезис особенно ярко иллюстрируется материалом языка онейда (глава 5) и башкирского языка (глава 7) и подчеркивается авторами соответствующих глав. Индексация в предикате или использование равносубъектной кодирующей техники в конкретном языке может быть нормальной опцией для некоторого класса неканонических контролеров, включающего посессоры. Во многих случаях удается провести параллель с противопоставлением «грамматического» и «смыслового» согласования — индексация и система переключения референции ориентируются на признаки не формального, а смыслового контролера. Это открывает новую перспективу исследований РІР в совокупности с другими случаями «смыслового» согласования, в том числе и в рамках формального моделирования признаковой матрицы именной составляющей.

Во-вторых, выявляются важные закономерности, связанные с синтаксическими характеристиками внутренних посессоров. Известно, что во многих языках для посессора доступно более одной структурной позиции внутри именной группы и в этом случае только высокие посессоры проявляют свойства клаузального аргумента. Связь высокой позиции посессора с его «выделенностью» может, по-видимому, быть разнонаправленной: либо «выделенность» вызывает передвижение посессора в вышестоящую позицию (например, в тундровом ненецком и в майтхили), либо статус «выделенного» доступен только для высоких посессоров (например, в башкирском и турецком). Еще одно важное общее свойство РР состоит в том, что при наличии в языке посессивного согласования они с обязательностью выступают его контролерами. Вследствие этого их признаки, хоть и в согласовательном варианте, могут быть доступны клаузальным зондам. Это объединяет конструкции с РР и другие случаи опосредованного согласования (например, дистантное согласование с аргументом вложенной клаузы, согласование времен и т. п.).

В целом следует заключить, что перед нами интересная работа, сочетающая широкий типологический охват феномена с его углубленным изучением на материале нескольких языков. Рецензируемое издание, несомненно, будет интересно типологам и лингвистам-теоретикам, специалистам по согласованию, структуре именных конструкций и синтаксису нефинитных клауз.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
 CVB — конверб
 DAT — датив
 DET — определитель
 GEN — генитив
 L — низкая гонорифичность
 M — мужской род / класс
 N — средний род / класс

NOM — номинатив, номинативная серия
 NON_NOM — неноминативная серия
 SG — единственное число
 SS — равносубъектная зависимая клауза
 SUF — именной словоизменяющий суффикс
 PL — множественное число
 PST — прошедшее время

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика*. М.: Наука, 1974. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Кибрик 2000 — Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентности. *Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна*. Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (отв. ред.). М.: Языки русской культуры, 2000. [Kibrik A. E. External possessor as a result of valency split. *Slovo v tekste i v slovare: Sbornik statei k semidesyatiletiyu akademika Yu. D. Aprenyana*. Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Лютикова 2019 — Лютикова Е. А. Коммуникативная структура в синтаксической деривации. *Вопросы языкознания*, 2019, 1: 7–29. [Lyutikova E. A. Information structure in syntactic derivation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 1: 7–29.]
- Anagnostopoulou 2003 — Anagnostopoulou E. *The syntax of ditransitives. Evidence from clitics*. Berlin: Mouton De Gruyter, 2003.
- Baker 1988 — Baker M. C. *Incorporation. A theory of grammatical function changing*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1988.
- Bergelson, Kibrik 1995 — Bergelson M. B., Kibrik A. A. The system of switch-reference in Tuva. *Converbs in cross-linguistic perspective*. Haspelmath M., König E. (eds.). Berlin: De Gruyter, 1995, 373–414.
- Deal 2017 — Deal A. R. External possession and possessor raising. *The Wiley Blackwell companion to syntax*. Vol. III. Everaert D., van Riemsdijk H. C. (eds.). 2nd edn. Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell, 2017, 1–32.
- Kayne 1994 — Kayne R. *The antisymmetry of syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.

- Payne, Barshi (eds.) 1999 — Payne D. L., Barshi I. (eds.). *External possession*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Partee 2006 — Partee B. H. A note on Mandarin possessives, demonstratives, and definiteness. *Drawing the boundaries of meaning: Neo-Gricean studies in pragmatics and semantics in honor of Laurence R. Horn*. Birner J., Ward G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006, 263–280.
- Pylkkänen 2002 — Pylkkänen L. *Introducing arguments*. Ph.D. diss. Massachusetts Institute of Technology, 2002.
- Sigurðsson 1996 — Sigurðsson H. A. Icelandic finite verb agreement. *Working Papers in Scandinavian Syntax*, 1996, 57: 1–46.
- Sigurðsson, Holmberg 2008 — Sigurðsson H. A., Holmberg A. Icelandic dative intervention: Person and number are separate probes. *Agreement restrictions*. D'Alessandro R., Fischer S., Hrafnbjargarson G. H. (eds.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2008, 251–280.

Получено / received 16.11.2019

Принято / accepted 07.04.2020

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 27.10.2020   Формат 70×100¹/₆   Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 365 экз.   Зак. 4/6а   Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»